

## **НОВЫЙ ВЗГЛЯД ПАРАДОКСЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ**

**Владислав Иноземцев**

Постиндустриальное общество развивается на фундаменте всемерного использования потенциала, заключенного в прогрессе теоретического знания<sup>1</sup> - этот важнейший тезис Д. Белла, основателя концепции постиндустриализма, сегодня фактически не подвергается сомнению. Новая экономика уверенно становится в настоящее время не столько "information economy", то есть экономикой, основанной на информации, сколько "knowledge economy", то есть экономикой, основанной на знаниях. Важнейшим ресурсом современного общества служит не информация как относительно объективная сущность, а знания, то есть информация, усвоенная человеком и не существующая вне его сознания. Именно этот "субъективный" характер современной экономики и определяет некоторые новые тенденции, которые еще недавно могли бы показаться фантастическими.

Если информация, как и любой другой производственный ресурс, может выступать и выступает в качестве объекта собственности (property), и в этом отношении информационная экономика имеет сходство с индустриальной, то знания, в отличие от любого другого производственного ресурса, могут быть и являются лишь объектом владения (possession), и образуют базу для качественно новой хозяйственной системы. Индустриальная эпоха, сменив аграрную, стала для человечества гигантским шагом вперед: впервые возник значимый сектор общественного производства, в котором сложились относительно независимые от сил природы соотношения между затратами труда и его результатами. Вовлечение в процесс массового материального производства все нарастающего объема сырьевых ресурсов, энергии и рабочей силы приводило к пропорциональному росту общественного богатства. Сегодня набирает силу иной процесс: использование знаний умножает результаты гораздо более эффективно, чем применение любого другого

[1] - В постиндустриальном обществе, - отмечает Д. Белл, - "главным... стало доминирование теоретического знания, превалирование теории над эмпиризмом и кодификация знаний в абстрактные своды символов, которые... могут быть использованы для изучения самых разных сфер опыта" (Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999. С. 25).

производственного фактора, но при этом сами знания находятся вне непосредственного контроля со стороны общества в целом. Переход от аграрного общества к индустриальному означает смену ограничителей прогресса цивилизации: природный фактор, определявший на ранних этапах истории степень свободы индивида, уступает место фактору социальному, играющему роль основного в индустриальный период; при этом оба они воплощают в себе действие силы, не зависящей от человека и его стремлений. Переход от индустриального общества к постиндустриальному снижает воздействие на человека обстоятельств, обусловливаемых социальной средой; в то же время особое значение приобретают внутренние силы самой личности, которые в известном смысле можно рассматривать как новое проявление сил природы, и в этом аспекте постиндустриальная социальная система радикально отличается и от аграрного, и от индустриального обществ. Залогом ее прогресса становится развитие самого человека, а это никогда не принималось во внимание классической экономической теорией, сформировавшейся как наука о закономерностях производства материальных и нематериальных благ, но не личности. Поэтому с традиционной точки зрения экономика постиндустриального общества представляется экономикой парадоксов.

Что же это за парадоксы? Отметим здесь лишь три наиболее заметных из них: во-первых, снижение темпов роста ВВП при ускорении темпов увеличения общественного богатства; во-вторых, сокращение производительности при явных технологических успехах; в-третьих, устойчивое хозяйственное развитие при отрицательных нормах накопления.

Первая парадоксальная ситуация отражает утрату возможности применять стоимостные показатели для оценки экономики знаний. В условиях индустриального хозяйства, когда стоимость благ отражала издержки, необходимые для их воспроизводства, существовала пропорциональность между затратами и результатами производственной деятельности. Сегодня информационные блага скорее копируются, чем воспроизводятся, поскольку большинство из них произведено в результате уникальной деятельности, а не постоянно повторяющихся малоквалифицированных усилий. Поэтому снижение цен на продукцию высокотехнологичного сектора происходит намного быстрее, чем в традиционных отраслях промышленности. Так, удельная стоимость одного мегабайта памяти жесткого компьютерного диска снизилась за последние тринадцать лет более чем в 2 тыс. раз, издержки на производство одной операции упали с 1975 по 1995 г. в 23 тыс. раз, и к 1997 г. цена покупки среднего нового компьютера в Соединенных Штатах составила менее 1 тыс. долл. Если бы автомобильная промышленность снижала издержки подобными же темпами, новые "Лексус" или "Роллс Ройс" стоили бы от 3 до 5 долл. и потребляли бы галлон бензина на миллион километров пробега. Как следствие, в 1995-1999 гг. компьютерная отрасль в США, чтобы обеспечить рост стоимостных показателей на 25 процентов, должна была произвести в 2,8 раза больше единиц техники, каждая из которых за это время стала на два поколения совершеннее. Традиционные показатели экономического роста не способны зафиксировать достигнутый прогресс адекватным образом, когда технологическое совершенствование благ вызывает не рост цен на новые товары, а их снижение.

Второй парадокс обнаруживается при сравнении темпов роста производительности труда и динамики технологических достижений. Еще в 80-е гг. было замечено, что производительность в высокотехнологичных отраслях не только существенно ниже, чем в традиционных, но и имеет тенденцию к дальнейшему снижению. В начале 90-х величина добавленной стоимости в расчете на одного работника в электронной промышленности США была в пять раз ниже, чем в нефтепереработке, и в восемь раз ниже, чем в табачном производстве. Несмотря на то, что в 80-е и начале 90-х гг. на приобретение новых информационных технологий в третичном секторе США было затрачено более 750 млрд. долл., производительность в нем росла не более чем на 0,7 процента в год; при этом в банковской сфере затраты на информационные технологии росли на 27,9 процента ежегодно, а прирост производительности не превосходил 0,1 процента в год; в здравоохранении увеличение инвестиций на 9,3 процента в год было сопряжено со спадом производительности на 1,3 процента. Напротив, в японской экономике в 80-е и в первой половине 90-х гг. производительность росла на 2,7-3 процента в год, обеспечивая до 70 процентов прироста валового национального продукта; при этом американская экономика была наиболее конкурентоспособной в мире, а японская находилась в фазе стагнации. Это говорит о том, что высокие темпы информационной революции не только обуславливают отсутствие роста цен на высокотехнологичную продукцию, но и требуют все более подготовленных и высокооплачиваемых работников, что снижает показатели фондоотдачи даже при быстром росте стоимости самих производственных фондов.

Третий, наиболее показательный парадокс заключен в том, что современная постиндустриальная экономика может демонстрировать хозяйственное развитие при постоянном снижении инвестиций. Последние традиционно считались определенной частью национального продукта, отвлекаемой от потребления и направляемой на расширение производства; сегодня оказывается, что важнейший элемент экономического роста - это накопление человеческого капитала, которое может быть по своей сути более "инвестиционным", чем наращивание материальных факторов производственного потенциала. В подобной ситуации отвлечение средств от инвестиций в материальные факторы производства и направление их на потребление, то есть, в конечном счете, на развитие личности, не является препятствием для устойчивого и поступательного хозяйственного развития. Таким образом, в постиндустриальном обществе экономический рост и инвестиционная активность становятся независимыми и взаимно нейтральными.

В этом кроется как принципиальное отличие постиндустриальной экономической системы от индустриальной, так и объяснение того, почему "догоняющее" развитие является в современных условиях бесперспективным. Известно, что в 90-е гг. доля ВВП, используемая на инвестиционные нужды, составляла в Японии 28,5 процента, Южной Корее - 36,6 процента, а в континентальном Китае - 42 процента. Однако это не предотвратило мощного кризиса, поразившего эти

индустриальные государства. Напротив, в 1996 г. в США инвестиции не превышали 18 процентов ВВП, в Швеции - 14,5 процента, в Великобритании - 15, в Италии - 17, в Канаде - 17,5, во Франции - 18 процентов, и лишь в Германии этот показатель доходил до 21,7 процента. Тем не менее невысокий уровень инвестиционной активности в этих странах не является препятствием для быстрого хозяйственного роста.

Вторая половина 90-х гг. стала периодом триумфа "новой экономики". Как следствие, норма сбережения резко пошла вниз. В США на протяжении 90-х гг. среднее значение данного показателя составляло, согласно расчетам экспертов компании Merrill Lynch, около 4 процентов. В 1998 г. оно снизилось до 3,8 процента (по другим данным - 3,5 процента), достигнув послевоенного минимума. В последнее десятилетие XX века динамика получаемых американцами (после уплаты налогов) доходов и сбережений оставалась разнонаправленной: первые с 1991 по 1997 г. выросли с 4,35 до 5,79 трлн. долларов, то есть более чем на треть; вторые за тот же период сократились с 259,5 до 121,0 млрд. долл., то есть более чем в два раза. Логическое завершение этого процесса наступило в сентябре 1998 г., когда норма накопления в США стала отрицательной, а темпы поквартального экономического роста достигли 4,8 процента.

Все это говорит о том, что постиндустриальные государства обладают сегодня новым типом инвестиций, отличным от сбережений в традиционном понимании этого термина. В 90-е годы основным источником хозяйственного развития постиндустриальных стран становится реинвестируемый интеллектуальный капитал, аккумулируемый промышленными и сервисными компаниями, капитал, самовозрастание которого не сокращает личного потребления граждан, а фактически предполагает его. И наоборот, статистика развивающихся стран свидетельствует, что на старте XXI века индустриальная хозяйственная модель не имеет никаких источников финансирования собственного развития, кроме сокращения текущего потребления, уменьшающего возможности аккумулирования интеллектуального капитала.

Таким образом, в современных постиндустриальных обществах сформировался саморегулирующийся механизм, позволяющий осуществлять инвестиции, стимулирующие хозяйственное развитие, посредством максимизации личного потребления, всегда казавшегося антитезой накоплениям и инвестициям. В том, что человечество не только осваивает информацию как неисчерпаемый ресурс для развития производства, но и превращает основные виды потребления, связанные с развитием личности, в средство возобновления и наращивания этого ресурса, мы видим залог бесконечного прогресса постиндустриального общества. Его бурный хозяйственный рост способен продолжаться десятилетиями в условиях не только низкой, но и отрицательной нормы накопления в ее традиционном понимании. В то время как индустриальные нации вынуждены идти по пути самоограничения в потреблении, постиндустриальные способны его максимизировать, достигая при этом гораздо более впечатляющих и масштабных результатов. Неравномерность хозяйственного развития становится, таким образом, не исключением, а правилом в современном мире, и преодоление ее окажется, скорее всего, делом весьма отдаленного будущего.